

**ДИНАМИКА И СТРУКТУРА
РОССИЙСКО-КИТАЙСКОЙ ТОРГОВЛИ ЧЕРЕЗ КЯХТУ
(КОНЕЦ XVIII—СЕРЕДИНА XIX вв.)**

В течение почти двухсот лет важнейшим центром торговли России и Китая была небольшая приграничная торговая слобода Кяхта.

Наиболее ярко особенности кяхтинской торговли проявились в период с 1792 г. до середины XIX века. Законченный характер данному этапу торговли через Кяхту придавала система меновой торговли и общественного контроля за ценами, окончательно сложившаяся к концу XVIII в., утвержденная таможенными правилами 1800 г. и отмененная в ходе реформ 50-х гг. XIX в. Приметой этого периода являлось и то, что до легализации торговли России и Китая через Синцзян в 1851 г. Кяхта оставалась единственным хозяйственно-коммуникационным фактором взаимодействия двух империй. Наконец, первая половина XIX века — это период наибольшей стабильности кяхтинской торговли. Подписание русской и китайской стороной Международного протокола 8 февраля 1792 г. завершило длительную эпоху периодических перерывов в торговле. С этого времени Кяхта не знала срывов в обмене товаров, происходивших по политическим мотивам¹.

О стабильности кяхтинской торговли свидетельствуют и статистические данные. Но здесь следует иметь в виду особенности статистического учета объемов ввоза и вывоза, практиковавшегося в Кяхте в рассматриваемый период. Дело в том, что на рубеже 30—40-х гг. статистика кяхтинской торговли претерпела изменения двоякого рода. С 1840 г., в соответствии с денежной реформой, осуществляемой по инициативе министра финансов Е.Ф. Канкрин, все расчеты в коммерческих сделках стали производиться в серебряных рублях, считая 350 копеек ассигнациями равным рублю серебром². Казалось бы, вследствие изменения масштаба цен, в статистике кяхтинской торговли должны были произойти сдвиги в

сторону заметного уменьшения абсолютных показателей³. Но этого не случилось, поскольку в 1841 г. на отмеченную выше реформу наложились преобразования иного рода, связанные с переходом от оценки обмениваемых товаров по променным условным ценам к практике использования так называемых объявленных цен⁴. Учитывая функциональное различие данных систем оценок кяхтинского товарооборота, сопоставление в едином статистическом ряду показателей, полученных этими двумя способами, представляется некорректным. Насколько игнорирование этого обстоятельства способно исказить реальную картину, свидетельствует досадная ошибка, вкравшаяся в исследование авторитетнейшего специалиста в области русско-китайских экономических отношений М.И. Сладковского. Опираясь на данные А. Корсака о динамике кяхтинского товарооборота в первой половине XIX века, он, как раз, производит подобное сопоставление⁵ с неизбежным выводом о том, что максимального уровня эта торговля достигла в 1824 г. с последующим застоем и снижением⁶.

Между тем, это противоречит данным о ходе кяхтинской торговли во второй четверти XIX века, составленным на основе объявленных цен и исчисленным в серебряных рублях⁷. Внешние симптомы кризиса, судя по этим цифрам, становятся очевидными лишь в конце 40-х гг. Еще более убедительно стабильность торговли через Кяхту иллюстрируют сведения, составленные в недрах Министерства иностранных дел примерно в 1856 г.⁸ Особенностью данной таблицы является то, что она позволяет не только проследить динамику кяхтинской торговли в единых единицах измерения, но и наглядно убедиться в ошибочности смещения двух упомянутых выше систем учета. Эти данные свидетельствуют, что с середины 20-х гг. (по М.И. Сладковскому период максимального подъема кяхтинской торговли) по 1852 г. товарооборот в променных условных ценах увеличился примерно вдвое. О таком же росте объема торговли с 1828–1831-х гг. до 1852 г. говорят результаты подсчета ценности выменянных в Кяхте товаров по объявленным ценам. Очевидно, следует согласиться с мнением А.Н. Хохлова о том, что восходящая линия развития кяхтинской торговли продолжалась до середины XIX века⁹.

Подтверждается ли данный вывод динамикой физическо-го объема экспорта и импорта через Кяхту? Что касается

российского экспорта, то его товарная структура в первой половине XIX века претерпела значительные изменения, вследствие чего динамика отдельных статей вывоза в соответствующих единицах измерения (вес, длина, количество) становится не показательной для характеристики развития всего товарооборота. Более надежным индикатором уровня кяхтинской торговли являются данные об объеме импорта из Китая. Это связано с тем, что с конца 20-х гг. почти единственной статьей ввоза из этой страны становится чай (в 1825–1831-х гг. — 91,3% импорта, в 1846–1852-х гг. — 97,1%)¹⁰. Отсюда, развитие чайного импорта можно рассматривать как более или менее точное отражение развития всей кяхтинской торговли. В этом смысле натуральные показатели ввоза всех сортов чая также демонстрируют ее неуклонный рост до середины прошлого столетия. По данным А.П. Субботина, с 20-х гг. до середины XIX века объем импорта чая увеличился вдвое — с 143 тыс. пудов до 294 тыс. пудов¹¹. Причем, ввоз байхового чая возрастал более быстрыми темпами, чем кирпичного, за исключением неудачных для кяхтинской торговли 1843 и 1849 годов¹². Учитывая решающий перевес байхового чая в структуре чайного импорта¹³, последнее обстоятельство позволяет с большей определенностью утверждать о преобладании повышательной тенденции в развитии торговли через Кяхту вплоть до середины столетия.

Таким образом, мы должны констатировать, что абсолютные показатели объема кяхтинской торговли за первую половину XIX века не дают прямых оснований для утверждений об упадке этой торговли к концу рассматриваемого периода. Практически на неизменном уровне, на протяжении почти столетия, находился и удельный вес товарооборота через Кяхту во внешнеторговом обороте России в целом. Если в 1760 г. он составлял 7,3%¹⁴, то в 1846–1848-х гг. — 6,7%¹⁵. Но можно ли считать данные, внешне свидетельствующие о росте товарооборота, достаточным аргументом для безоговорочного вывода о стабильности ситуации в кяхтинской торговле? Дальнейшие события, а именно, кризис 1853 г. и последовавшие за этим реформы заставляют усомниться в этом. Безусловно, история кяхтинской торговли первой половины XIX века при всем внешнем благополучии, содержала в себе внутренний импульс грядущего упадка. Оставим пока в стороне такие

аспекты данной проблемы, как организация торговли в Кяхте и деятельность кяхтинского купечества и обратим внимание на изменение товарной структуры ввоза и вывоза через эту слободу. Данный вопрос имеет чрезвычайно важное значение для понимания логики развития кяхтинской торговли, учитывая ее меновой характер до середины XIX века, а также качественные сдвиги в развитии промышленности России к концу рассматриваемого периода. Эта тема позволяет более органично соотнести развитие кяхтинской торговли и новые обстоятельства международной конкуренции на китайском рынке, возникшие в связи с открытием крупнейших морских портов Китая для европейской торговли в начале 40-х годов.

В этой связи, примечательно то, что в многочисленных обзорах истории кяхтинской торговли периода господства натурального обмена нет определенной концепции ее развития. Представленные в этих работах описания изменений в структуре экспорта и импорта через Кяхту, тем не менее, не увязывают их между собой и не позволяют подойти с их помощью к пониманию причин кризиса, постигшего кяхтинскую торговлю в середине прошлого века. Как ни странно, единственная попытка создания такой концепции принадлежит одному из ранних историков кяхтинской торговли Ю.А. Гагемейстеру¹⁶. Автор «Статистического обозрения Сибири» полагал, что на раннем этапе истории кяхтинской торговли «...сбыт сибирских пушных товаров служил единственной целью торговым сношениям между двух государств; Зауральская Россия принимала мало участия в этой торговле и купечество насилу отыскивало в Китае предметы, которые могли бы идти в обмен на рухлядь. Это было тем более затруднительно, что Сибирь, поставлявшая все статьи отпуска в Китай, сама, по малолюдству своему, китайских произведений не употребляла. Поэтому китайцы должны были отыскивать товары, которые прошедшие через всю Сибирь, могли бы находить покупателей за пределами оной. Когда же товар, соответствующий этим условиям, был найден, — продолжал он, — требование на него усилилось столь быстро, что в пределах России не нашлось предметов для уплаты за это зелье, так как одной рухляди для этого было недостаточно: Англия, Пруссия, Польша стали пополнять недостаток... Таковое положение торговли было однакож не весьма продолжительно и с разви-

тием мануфактурной промышленности в России и совместным распространением в Китае употребления российских тканей, ценность отпускаемого в Россию чая оказалась уже недостаточною для вымена требуемых китайцами товаров...». «Поэтому, — завершает Гагемейстер свое рассуждение, — снова принялись отыскивать в Поднебесной империи другие статьи отпуска. Усилия эти однакож по сие время остались тщетными... и оттого произошли все затруднения, под гнетом коих находится кяхтинская торговля поныне...»¹⁷.

Мы позволили себе роскошь представить столь пространную цитату из сочинения Гагемейстера по следующим причинам. Во-первых, несмотря на известный схематизм и отдельные неточности¹⁸, этому чиновнику министерства государственных имуществ удалось уловить важнейшую особенность кяхтинской торговли, обусловленную ее меновым характером, — жесткую взаимозависимость товарной структуры экспорта и импорта. Причем, предложенная выше интерпретация событий указывает на динамизм подобной взаимозависимости, историческую последовательность изменений структурных характеристик двух отмеченных выше сторон кяхтинского товарооборота. Действительно, бартерная торговля предполагает, что продавец, реализуя свой товар, одновременно выступает как покупатель. От того, какого качества и ассортимента товары были предложены на рынке, зависит, соответственно, качество и ассортимент товаров, которые продавец неизбежно должен получить взамен. При этом, торговец, очевидно, примет решение вступить в обмен, убедившись, что предельная полезность того количества товара (благ), которые получит в результате обмена, выше, чем предельная полезность благ, от которых он отказывается. На пограничной ярмарке¹⁹ в Кяхте дело обстояло сложнее. Простое сопоставление полезностей является достаточным основанием для сделки в хозяйственной ситуации, где меновые отношения являются тотальной нормой, а целью обмена — получение блага, удовлетворяющего те или иные потребности. Кяхтинская торговля, даже на ранней стадии своей истории, существовала на фоне относительно развитого рынка, представляя собой реликт даже в условиях России XVIII века, не говоря уже о следующем столетии. Она замыкала лишь одно звено в длинной цепи опосредованных деньгами обме-

нов. Поэтому русское купечество, вступая в Кяхте в обмен с китайцами, должно было сопоставлять прибыль, полученную от продажи товара, купленного перед этим на Севере или в Центральной России, и предполагаемую прибыль от реализации выменянного товара, скажем, на Нижегородской ярмарке. Следует вспомнить, что кяхтинская торговля относится к разряду торговли на дальние расстояния с вытекающими отсюда значительными пространственными и временными интервалами, разделяющими акты купли и продажи. Общий оборот в такой торговле делится на четыре фазы: покупка товара в одном регионе, продажа его в случае с Кяхтой на месте покупки другого товара и, наконец, конечная реализация этого товара. Экономическая результативность такого оборота определялась лишь по завершении всего цикла, что предполагало возможность известных потерь на отдельных стадиях и компенсации их на других стадиях оборота. Условия кяхтинской торговли, а именно, ее меновой характер, делали подобный приоритет одной стадии оборота в ущерб другой неизбежным. Продавцам часто навязывались в обмен товары, перспектива выгодной реализации которых в России была маловероятной, и они шли на сделку, имея высокую прибыль на двух первых промежуточных фазах цикла. Или они могли соглашаться на заведомо убыточный обмен, будучи уверенными, что смогут отыграться на последней фазе цикла, выгодно продав полученный у китайцев товар, например, чай, на одной из российских ярмарок.

Сложившаяся во второй половине XVIII века²⁰ товарная структура ввоза и вывоза через Кяхту подробно описана в литературе²¹, но, в связи с вышеизложенным она требует известного комментария. Судя по всему, в данный период ситуация сложилась по первому варианту, т.е. в соответствии с версией Гагемейстера, приоритетной задачей кяхтинского купечества являлся сбыт пушнины, при вспомогательной роли операций по реализации товаров, импортируемых из Китая. До отмены казенного караванного торгового, т.е. до 1762 г., пушнина составляла почти 100% вывоза. С 1768 по 1785 г., до последнего перерыва в торговле, вывоз «мягкой рухляди» составлял около 85% от общего вывоза²². Наконец, с возобновления кяхтинской торговли в 1792 г. по 1800 г. удельный вес пушнины в экспорте составлял 70–75%²³. Кроме пушнины, русские купцы доставляли на

границу сукна отечественного и иностранного производства, хлопчатобумажные ткани, кожу, металлические изделия и т.д. В структуре импорта первоначально преобладали предметы аристократического спроса, но с середины XVIII в. главное место среди ввозимых китайских товаров стали занимать товары широкого потребления: хлопчатобумажные ткани (китайка, даба), шелковые ткани (камка), сахар, табак и, наконец, чай²⁴. По свидетельству Радищева, в 80-е годы XVIII века удельный вес хлопчатобумажных тканей достиг 2/3 всего импорта²⁵. Но с 1792 г. их доля в ввозе стала сокращаться, а ввоз шелковых тканей почти прекратился²⁶. Стабильность пушного экспорта обеспечивалась географической близостью к Кяхте основных промысловых зон²⁷, а также монопольным характером внутрисибирской торговли²⁸, обеспечивающим высокую промежуточную прибыль на стадии доставки товара на кяхтинскую ярмарку. Дополнительный импульс росту вывоза пушнины придало освоение русскими Аляски и прилегающих островов и основание в конце XVIII века Российско-американской компании. Примечательно, что основатели этой компании Михаил Сибиряков, Илья Сизов, Петр и Иван Мичурины, Андрей Пахолков, Н.П. Мыльников, Г.И. Шелихов были активными участниками кяхтинской торговли. Причем, один из проектов Шелихова о направлении американской пушнины в китайские порты, минуя Кяхту, не был поддержан правительством²⁹, что не могло не упрочить положения кяхтинской ярмарки как важнейшего рынка сбыта этого товара. Но решающим условием преобладания пушнины в русском экспорте являлся сам характер данного товара — его невоспроизводимость в китайских условиях. Единственная опасность, подстерегавшая рассматриваемую статью вывоза заключалась в возможности ее вытеснения товарами-субститутами (шерстяные изделия и т.д.), что и произошло в первой половине XIX в. Напротив, в структуре импорта из Китая преобладали изделия, которые легко могли быть воспроизведены в России, или даже в Сибири, а также ввезены из Европы. Поэтому изменения в составе импорта в рассматриваемый период характеризовались большим динамизмом, чему способствовали периодические перерывы в торговле, особенно приостановка обмена в 1785–1792-х гг. Факторами такого динамизма стали развитие хлопчатобумажной промышленности и создание шелкоткацких фабрик во 2-й половине XVIII в.,

увеличение импорта английских хлопчатобумажных тканей, закончившееся в конце концов началом встречного реэкспорта этих тканей через Кяхту в Китай³⁰. В Сибири, в течение последнего перерыва в торговле в Кяхте, стало развиваться льноводство, что не могло не повлиять впоследствии на уменьшение спроса на китайские ткани в данном регионе³¹.

В первой половине XIX века (до 40-х гг.) в структуре экспорта и импорта через Кяхту произошли радикальные изменения. Как уже отмечалось выше, в импорте из Китая в рассматриваемый период ведущую роль приобрел чай. Выдвижению чая в качестве основной статьи ввоза и превращению чайного импорта в приоритетную задачу кяхтинского купечества способствовали следующие обстоятельства. Чай, в отличие от мануфактурных изделий, ввозимых в Россию из Китая в XVIII веке, был, также как и пушнина, неввозимым в русских условиях товаром, вследствие чего пользовался на внутрисоссийском рынке устойчивым спросом (до 40-х гг.). Следует подчеркнуть, что основным мировым импортером чая из Китая, бывшего до середины XIX в. единственным производителем чайного сырья, являлась Англия, в то время, как Россия, далеко отставшая от последней, занимала лишь третье место³². Тем не менее, на протяжении длительного времени, России удавалось препятствовать увеличению ввоза в страну китайских товаров через западные границы. Первой акцией такого рода стал официальный запрет ввоза китайских товаров через Европу в 1743 г.³³ Видимо, этот запрет не особенно соблюдался, тем более, во время известных перерывов в кяхтинской торговле. Так, Радищев отмечал, что во время последнего перерыва люди «...покупали и употребляли чай, привозимый из Англии, Голландии, Дании, платя за оной втрое или вчетверо, отчего привоз сего товара через все порты, а особливо через Петербург, увеличился...»³⁴. Но по мере увеличения удельного веса чая в кяхтинском импорте, отношение к проблеме ввоза этого товара через западные границы менялось в сторону запретительных мер. По тарифу 1800 г. ввоз чая по европейской границе был обложен в 60 р. с пуда, а кяхтинская пошлина колебалась от 5 до 12 р. за различные сорта чая³⁵. Правда эта пошлина в фискальных целях, вызванных военными расходами, в 1812 г. была увеличена для черного чая до 1 р. 50 к. с фунта, что временно уравни-

няло его с европейской. Однако тарифом 1822 г. привоз чая во все таможенные Европейской России и со стороны Турции и Персии был запрещен в пользу доставляемого из Китая через Сибирь³⁶. Таким образом, к началу 20-х годов XIX века Кяхта превратилась в единственный пункт поступления чая на российский рынок, а кяхтинское купечество в монополиста, успешно пользовавшегося своими монопольными возможностями до 40-х гг. Основной тенденцией изменения структуры кяхтинского экспорта в Китай в рассматриваемый период стало постепенное уменьшение удельного веса пушнины и увеличение доли мануфактурных изделий³⁷. Причем, снижение значения пушнины как основного экспортного товара в первые десятилетия XIX в. происходило очень медленно, что позволило М.М. Сперанскому в начале 20-х гг. даже утверждать, что «...пушные товары, против общего, но неосновательного мнения, не только не уменьшаются, но возрастают»³⁸. Уже в 1834 г. кяхтинский купец Николай Игумнов в своем докладе в Азиатский департамент министерства иностранных дел выражал уверенность, что русская пушнина и сукна не могут быть вытеснены англичанами с китайского рынка³⁹. Но уже в середине 40-х годов пушнина составила всего 24,7% экспорта против 42,6% в предыдущем десятилетии. Что касается мануфактурных изделий, то здесь преобладало сукно русское и иностранное при незначительной доле хлопчатобумажных тканей. Решающий перелом в сторону увеличения удельного веса в экспорте шерстяных и хлопчатобумажных тканей произошел лишь на рубеже 30–40-х гг.

Сопоставление структуры экспорта и импорта через Кяхту в первой половине XIX века приводит к выводу о кардинальной трансформации ситуации по сравнению с предыдущим периодом истории кяхтинской торговли. Как отмечалось выше, в XVIII–начале XIX в. сбыт пушнины, доминировавшей в экспорте, являлся приоритетной операцией в торговле в Кяхте, в то время как, реализация в России навязанных кяхтинским обменом товаров играла подчиненную роль, обеспечивая завершение оборота⁴⁰. В XIX в. приоритетный характер приобретает деятельность по импорту чая, а поиск соответствующей номенклатуры экспортных товаров превращается в условие приобретения заведомо выгодного товара. Косвенным подтверждением данного вывода служит очевид-

ная последовательность структурных сдвигов в кяхтинском экспорте и импорте. Первоначальным импульсом изменений в структуре ввоза из Китая на рубеже XVIII и XIX вв. послужил известный дисбаланс между подчиненной ролью этого ввоза и приоритетной — вывоза. Но, вследствие этого, маятник качнулся в другую сторону и с 20-х гг. XIX в. мы имеем возможность наблюдать обратный процесс преодоления несоответствия между стабильным чайным импортом и подчиненным экспортом. Бросается в глаза чрезвычайно медленный темп данных преобразований, длившихся годами, а то и десятилетиями. Но нельзя забывать, что в случае с Кяхтой мы имеем дело с торговлей, продолжительность общего оборота в которой в XVIII в. составляла около трех лет⁴¹, а в конце XIX в. (до постройки сибирской железной дороги) срок доставки чая из Ханькоу через Кяхту в Нижний Новгород составлял 390 дней⁴². Это обстоятельство, наряду с такими особенностями всероссийского товарного рынка, как ведущая роль периодической формы торговли, многоступенчатый характер торговых операций, значительность влияния местных факторов ценообразования, низкая скорость экономической реакции на местных рынках⁴³, во многом объясняет медленность структурных изменений в кяхтинской торговле, может быть, незаметных для современников и очевидных лишь исследователю, оперирующему многолетней статистикой.

А теперь, вернемся к рассуждениям Гагемейстера и обратим внимание на его попытку объяснения второго любопытного явления в истории кяхтинской торговли XIX в. — возрастания и последующего падения роли Кяхты как транзитного пункта поступления европейских товаров в Китай. По версии этого автора, данные товары появились в составе русского экспорта через Кяхту вследствие приоритетного положения чайного импорта, сложившегося в первые десятилетия предшествующего столетия⁴⁴. Вряд ли можно согласиться со столь категоричным утверждением. Слабой стороной кяхтинской торговли с первых лет ее истории были ограниченные возможности реэкспорта китайских товаров через западные границы России. В XVIII в. масштабы такого вывоза были незначительны⁴⁵. Несмотря на принятие в 1826 г. указа о возврате пошлин за чай, вывозимый в европейские страны⁴⁶, за последующие 20 лет до 1846 г. такой вывоз составил всего

3100 пудов⁴⁷. Не увенчались успехом и попытки кяхтинских купцов создать в середине 40-х гг. реэкспортную компанию по доставке кяхтинского чая в Европу⁴⁸. Но вывоз европейских товаров в Китай еще в XVIII в., несмотря на трудности, создаваемые внутрироссийским таможенным контролем⁴⁹, а также связанные с транспортировкой товаров⁵⁰, принял значительные размеры. Через Кяхту экспортировалась иностранная пушнина: морские бобры, рыси, выдры, кролики⁵¹. Особенно было заметно преобладание транзитных товаров в экспорте сукна. По данным Л.М. Самойлова в период с 1768 по 1785 г. через Кяхту ежегодно вывозилось до 100 000 аршин иностранного сукна⁵², в то время, как русского сермяжного сукна — от 50 до 100 тыс. аршин. Учитывая, что в 70-е годы XVIII в. аршин иностранного сукна шел в Кяхте по цене от 2 до 4 руб., тогда как аршин русского сермяжного оценивался от 40 коп. до 1 руб. 50 коп.⁵³, можно говорить о подавляющем перевесе иностранных изделий в стоимости экспорта промышленных товаров в Китай, сложившемся к концу столетия. Не удивительно, что в самом начале XIX в., когда преобладание чая в структуре импорта не было еще очевидным, иностранные товары по стоимости превосходили российские в кяхтинском экспорте. Как видно из донесений Ю.А. Головкина из Троицкосавска от 16 декабря 1805 г., доля отечественных товаров в русском экспорте через Кяхту за 13 лет, прошедших с момента подписания Международного протокола (1792 г.), по стоимости была лишь немного больше доли иностранных товаров (22 256 559 руб. против 20 729 857 руб.)⁵⁴. Эти данные не отражают в полной мере соотношения транзитных и российских товаров в экспорте начала XIX в., поскольку отмеченные выше сводные цифры сложились под влиянием ситуации предыдущего десятилетия, где, очевидно, удельный вес иностранных товаров был значительно ниже. Так, по ведомости о наличии в кяхтинском гостинном дворе товаров, предназначенных для обмена за границу на 1 октября 1805 г. значилось российских товаров на 373 238 руб. 89 коп., а иностранных — на 685 855 руб. 82 1/2 коп.⁵⁵ С 19 февраля по 1 апреля 1807 г. в Кяхте было променено российских товаров на 562 323 руб. 18 коп., а иностранных — на 976 497 руб. 83 коп.⁵⁶. По данным А. Корсака, подтверждающим преобладание транзитных товаров в первые годы XIX в., перелом в сторону тен-

денции к увеличению доли российских товаров в вывозе в Китай произошел в 1810 г.⁵⁷, т.е. в неблагоприятной для внешней торговли обстановке наполеоновских войн. Обращает на себя внимание то, что перевес транзитных товаров в экспорте нельзя относить только на счет промышленных изделий, хотя бы потому, что ведущей статьёй вывоза в начале XIX в. по-прежнему оставалась пушнина. Видимо, доля иностранной пушнины в экспорте в первое десятилетие века была выше, чем в последующий период. Косвенно, это подтверждается тем фактом, что с 19 февраля по 1 апреля 1807 г. правитель конторы Российско-американской компании (специализировавшейся на пушном экспорте) Уар Сизых променял российских товаров на 41 056 руб. 75 коп., в то время как иностранных — на 159 093 руб. 30 коп.⁵⁸ В последующие десятилетия, удельный вес пушнины иностранного происхождения в экспорте оставался стабильно низким. К середине столетия эта пушнина, превратившись в почти единственную статью транзита через Кяхту, составляла 3,4% общего экспорта⁵⁹. Напротив, при общем уменьшении удельного веса иностранных товаров в экспорте⁶⁰, что было связано с большим значением русской пушнины в вывозе до середины 30-х гг., их доля в составе промышленных изделий в первые три десятилетия XIX в. была чрезвычайно велика. Так, вывоз хлопчатобумажных тканей до конца 20-х гг. происходил почти полностью за счет иностранных (английских) товаров и только с 1833 г. стал обеспечиваться преимущественно соответствующей продукцией русских фабрик⁶¹. Более неравномерно и, вместе с тем, динамично развивалась ситуация с транзитом иностранного сукна. До 1817 г. здесь очевидна тенденция к уменьшению доли иностранного (пруссского) сукна, а затем, до 1825 г. — резкое увеличение транзита этого товара через Кяхту⁶². Этому способствовала русско-прусская конвенция 1818 г., разрешившая транзит прусского сукна в Китай с пониженной, 12% с аршина, пошлиной и последовавший затем либеральный тариф 1819 г., увеличивший поступление европейских товаров в Россию через Царство Польское. Происшедшее после 1826 г. фактическое прекращение транзита прусского сукна явилось следствием системы таможенных ограничений, последовавших после принятия тарифа 1822 г. и завершившихся включением Пруссии в запретительную систему России⁶³. Но с этого вре-

мени до 1832 г. в экспорте сукна в Китай доминировали польские товары⁶⁴, окончательно уступив позиции российским изделиям лишь к 1836 г. Решающий удар по польским производителям сукна и, следовательно, экспорту транзитного сукна, видимо, нанесли известные события 1831 г. С конца 30-х гг. через Кяхту вывозились исключительно российские промышленные товары.

Таким образом, тезис о том, что русские купцы прибегли к транзиту иностранных товаров с целью сбалансировать вымен китайского чая, не совсем точен. К началу XIX в., когда перспективность чайного импорта лишь только начинала осознаваться, кяхтинская торговля пришла как преимущественно транзитная и возможности этого транзита ограничивались лишь доминирующей ролью пушнины в русском экспорте. Но впоследствии, когда приоритет чайного импорта стал неоспорим, транзит европейских товаров стал, действительно, составной частью системы, о которой писал Гагемейстер. С другой стороны, транзитная торговля являлась фактором жизнеспособности Кяхты, именно потому, что еще в дочайный период кяхтинской торговли могла успешно конкурировать с приоритетным тогда пушным экспортом. Поэтому, прекращение транзита европейских товаров через Кяхту, происшедшее не столько в результате реальной конкуренции со стороны российских производителей, сколько вследствие комплекса государственных запретительных мер, ослабило позиции кяхтинских товаров на китайском рынке еще в период, предшествующий «открытию» Китая в начале 40-х гг. XIX в. Это становится очевидным при простом сопоставлении данных о масштабах кяхтинского транзита сукна и сравнительных сведений о поступлении этого товара в Китай через Кяхту и Кантон⁶⁵. В 1815 г., когда иностранное сукно доминировало в кяхтинском экспорте, общий объем ввоза этого товара в Китай через Кяхту вдвое превосходил ввоз английского сукна через Кантон. В 1819 г., после принятия либерального таможенного тарифа и вступления в силу режима наибольшего благоприятствования для Пруссии, сукно, ввозимое сухопутным путем из России, превосходило кантонское в четыре раза. Но в 1825 г., после включения Пруссии в запретительную систему России, английского сукна на китайский рынок поступило в 2,5 раза больше, чем соответствующего товара из Кяхты. Наконец,

заметное падение транзита польского сукна после 1831 г. повлекло за собой постепенное вытеснение данной продукции кяхтинского происхождения английскими товарами, лишь временно прерванное чрезвычайными обстоятельствами первой опиумной войны в начале 40-х гг. XIX в.

Тем не менее, некоторые современники воспринимали прекращение транзита иностранных товаров, а также сокращение удельного веса пушнины в экспорте в пользу мануфактурных изделий как несомненное свидетельство успехов российской промышленности, связывая с этим перспективы развития русско-китайской торговли, и, даже, русско-азиатских экономических отношений в целом. Так, И. Носков отмечал, что «...когда возникло в России огромное количество фабрик, тогда пошли в Китай товары и внутреннего приготовления, которые, улучшаясь год от году и, угождая требованию китайцев, доведены в последнее время до превосходной степени...»⁶⁶. В начале 40-х гг. Ф. Лист в своей знаменитой «Национальной системе политической экономии» писал: «Если Англия относится с завистью к торговой политике России, то это совершенно естественно. Россия, благодаря этой политике (протекционизма — Ж.Т.), эмансипировалась от Англии. Благодаря этой политике, она будет в состоянии явиться соперницей Англии в Азии»⁶⁷. К. Маркс подчеркивал, что «...в виде компенсации за то, что они лишены возможности участвовать в морской торговле, русские ведут специфическую для них внутреннюю сухопутную торговлю, в которой у них, по-видимому, не будет соперников...»⁶⁸. Однако, возможности относительно стабильной реализации российских товаров в Китае были обусловлены в тот период, прежде всего, сохранением системы меновой торговли с вытекающей отсюда компенсацией невыгодной операции по сбыту российских изделий на стадии реализации вымененного чая в России. Н.И. Любимов, в своем донесении в Азиатский департамент МИДа в 1842 г. писал: «...Расчеты купцов основаны не на промене товара китайцам, а на выгоднейшей распродаже вымененных товаров на Нижегородской ярмарке...»⁶⁹. «Конкурентоспособность» промышленных товаров обеспечивалась убыточными для русского купечества низкими ценами, по которым они вынуждены были променивать свой товар китайцам в Кяхте, поскольку это было единственным условием приобретения

перспективного товара — чая. Тот же чиновник Азиатского департамента МИДа Н.И. Любимов в докладной записке, представленной царю 29 октября 1842 г. отмечал: «Не бывши в самом Китае с трудом можно поверить, что, например, наше сукно можно купить в Пекине несравненно дешевле, нежели у нас, в России, даже чуть ли не по той же цене, по какой достается нашим купцам от фабрикантов... На бывшей у китайцев в прошлом 1841 г. ярмарке в Маочжоу (в 200 верстах от Пекина) «мизиритские» наши сукна продавались не выше 24 лан, т.е. по 180 руб. 60 коп. ассигн. за половинку, содержащую 25 аршин, а они на месте, из рук фабрикантов, при всей своей необыкновенной дешевизне стоят нашим купцам по 170 руб. асс., не считая издержек по провозу от Москвы до Кяхты»⁷⁰. По свидетельству Ю.А. Гагемейстера «...русские мануфактурные изделия, которые на месте обходятся никак не дешевле, но большею частью дороже однородных европейских товаров, продаются в Китае на 20% дешевле, чем в Москве и на 32% дешевле, чем в Кяхте...»⁷¹. Свидетельством неблагоприятных условий реализации российских товаров на китайском рынке являлась и практиковавшаяся с 1845 по 1852 г. выдача премий за отпуск за границу хлопчатобумажных тканей⁷². Косвенно, зависимость вывоза русских промышленных товаров от чайного импорта, подтверждают и энергичные усилия московских фабрикантов в 40–50-е годы сохранить режим меновой торговли. Так, на запрос московского генерал-губернатора А.А. Закревского о возможности выпуска золота и серебра в Китай 20 марта 1854 г. они дали отрицательный ответ. «Ужасно и подумать, — писали московские купцы, — к какому губительному последствию может привлечь внутреннюю промышленность России уступчивость наша против китайцев, если бы она доведена была до перемены кяхтинского торгового нашего из менового товара на товар в покупной, чая на золотую монету»⁷³. Эти опасения не были лишены оснований. Ликвидация системы меновой торговли, следовавшая в конце 50-х гг., повлекла за собой резкое сокращение экспорта российских товаров, на многие десятилетия предопределив дефицитный характер русско-китайской торговли.

Следовательно, экспорт российских промышленных товаров через Кяхту в 40–50-е годы XIX в., экономически невыгодный для непосредственных участников кяхтинской торгов-

ли, в условиях режима прямого товарообмена обслуживал ввоз китайского чая. Но в 40-е гг. наметилась и другая, крайне неблагоприятная для кяхтинского купечества тенденция, а именно, ухудшение условий реализации этого чая на внутрироссийском рынке. Впервые с проблемой недостаточной емкости внутреннего рынка торгующее через Кяхту купечество, видимо, столкнулось в 1841 и 1843 годах. Об этом свидетельствуют сравнительные данные о количестве чая, привезенного в соседний с Кяхтой китайский город Маймачен и чая, очищенного пошлиной в кяхтинской таможне⁷⁴. Так, если в 1843 г. в Маймачен было привезено 180 000 пудов чая, то русское купечество, сообразуясь с перспективой выгодной реализации внутри страны, сумело купить лишь 138 000 пудов. В 40-е годы наблюдалось снижение ценности вымениваемого в Кяхте чая. Если в 1835 г. за ящик торгового байхового чая в 85 фунтов русские купцы отдавали сукна на 72 руб. 37 коп., то в 1850–52-х гг. — на 48 руб. 62 коп.⁷⁵ По свидетельству Гагемейстера, цена чая в кяхтинской меновой торговле с 1840 г. по 1848 г. снизилась на 58%⁷⁶. И. Носков пришел к выводу об удешевлении кяхтинского чая, сопоставляя статистику экспорта и импорта через Кяхту. «Вместо привезенного в 1-е четырехлетие (1841–1844 г.г.) 6 млн 729 тыс. фунтов, — писал он, — привезено было в следующее четырехлетие (1845–1848 г.г.) 9 млн 13 тыс. фунтов, т.е. на 2 млн 300 тыс. фунтов больше, между тем как товаров отпущено было более только на 230 тыс. руб., что и доказывает, что чай стал доставаться нам дешевле»⁷⁷. Но, во-первых, понижение цены чая, вымениваемого в Кяхте, одновременно означало увеличение цен на покупаемые китайцами российские товары⁷⁸, что шло в ущерб их конкурентоспособности на внутреннем китайском рынке. Во-вторых, и это самое главное, кяхтинское купечество не смогло воспользоваться, казалось бы, благоприятной для них ситуацией, сложившейся в 40-е годы XIX века, вследствие заметного снижения цен на чай, реализуемый в России, в частности, на Нижегородской ярмарке. Сведения, отражающие этот процесс несколько противоречивы. По данным В.Н. Баснина, мера падения ценности чая выглядела следующим образом. Если в 1841 г. за фунт черного неквадратного фамильного чая выручалось 4 р. 31 к. и черного неквадратного сансинского — 4 р. 14 к., то в 1846 г. ожидаемая вы-

ручка составляла соответственно 2 р. 22 к. и 2 р. 6 к.⁷⁹ Излишек чая против потребления В.Н. Баснин оценивал в шестилетие 1841–1846 гг. в 116 тыс. пудов⁸⁰. Более умеренные цифры снижения цены чая на внутрироссийском рынке содержатся в сведениях, предположительно составленных кяхтинским градоначальником Ребиндером⁸¹. Но и они демонстрируют неуклонное снижение цен на чай, реализуемый в России, свидетельствуя о значительном уменьшении результативности деятельности кяхтинского купечества на традиционно приоритетной стадии оборота их капиталов. Как сообщал В.Н. Баснин, в 1846 г. 145 тыс. мест байхового и 35 тыс. мест кирпичного чая, стоившие купцам 63 млн руб. ассигнациями, должны были быть проданы по цене 60 млн руб.⁸², т.е. со значительным убытком. В 1852 г. за чай, на покупку и доставку которого купцами было затрачено 15 304 202 руб. серебром, было выручено 15 545 664 руб.⁸³ Нетрудно вычислить ничтожную прибыль, полученную в результате такой операции.

В связи с этим, возникает вопрос о причинах ухудшения условий реализации кяхтинского чая на внутрироссийском рынке, а также неблагоприятной ситуации в сбыте русских промышленных товаров, сложившейся в 40–50-е годы XIX в. Безусловно, основным фактором ухудшения конъюнктуры в кяхтинской торговле явилось включение Восточной Азии в мировую систему хозяйства, начавшееся в середине XIX в.⁸⁴ Не вдаваясь в подробности этого процесса⁸⁵, отметим, что ликвидация монополии Ост-индской компании (1834 г.), последовавшее за первой опиумной войной открытие пяти морских портов Китая для европейской торговли (1842 г.), заключение выгодного для Англии таможенного договора (1843 г.) открыло фактически свободный доступ английских дешевых товаров на китайский рынок. Данное обстоятельство повлекло за собой двоякий результат. Во-первых, в 40-е годы наметилось постепенное снижение спроса на русские товары, достигнув своей кульминации в 1853 г. в обстановке охватившего Китай тайпинского восстания⁸⁶. Во-вторых, с середины 40-х годов началась контрабандная торговля чаем морской доставки (так называемым кантонским чаем) через западные границы России. Успеху контрабандной торговли способствовала как возможность беспошлинной доставки чая, так и, прежде всего, сравнительная дешевизна перевоза чая из Китая в

Европу морским путем. По данным М.Н. Соболева в середине XIX в. в Англии лучшие сорта чая стоили 2 р. за фунт, а худшие — 25–30 коп. за фунт, в то время, как в России соответственно 4 р. и 1 р. 50 к.⁸⁷ Официально, через западную границу России (Одесский порт) в 1851–1857 гг. ежегодно ввозилось 50 пудов цветочного и 4 тыс. пудов байхового чая⁸⁸. Реальные масштабы контрабандного ввоза кантонского чая намного превосходили объем легального импорта.

По данным официальной статистики, исходившей из уведомления министерства финансов о том, что конфискуемый на западной границе чай составляет 5% ввозимого контрабандным путем⁸⁹, в 1855 г. объем такой контрабанды составил 4 млн фунтов, или около 100 тыс. пудов⁹⁰. Еще более внушительные цифры, правда, применительно к следующему, 1856 г., приводит М.Н. Соболев. «По вычислениям кяхтинских торговцев, — писал он, — потребление чая составляло в 1856 г. 18 млн фунтов, а ввезено было кяхтинских чаев 10 млн фунтов, следовательно, контрабанда достигла 8 млн фунтов или 200 тыс. пудов»⁹¹. В Царстве Польском кяхтинский чай составлял лишь 10% чая, доставляемого контрабандным путем из Пруссии⁹². В итоге, во второй половине 40-х–50-е годы масштабы чайной контрабанды через западные границы России стали сопоставимы с объемом сухопутного ввоза кяхтинского чая, резко ухудшив условия реализации последнего на российском рынке. «Этот переворот в чайной торговле, — писал впоследствии И. Носков, — уронил, во-первых, достоинство чая в России; вообще указал потребителям, что есть другой чай, кроме кяхтинского, и что его можно иметь гораздо дешевле, так как он, будучи избавлен от сухопутной перевозки и пошлины, обходился дешевле кяхтинского на 1 р. в каждом фунте»⁹³.

Таким образом, история кяхтинской торговли XVIII–первой половины XIX в. представляет несколько четко очерченных линий развития.

Наиболее очевидный результат, демонстрируемый данными статистики кяхтинской торговли эпохи господства прямого товарообмена, — неуклонный рост абсолютных показателей объема этой торговли. В итоге, к середине XIX столетия через Кяхту осуществлялось 60% экспорта, производимого по всей азиатской границе России и 44% импорта⁹⁴. Удельный вес кяхтинского чая в российском импорте составлял 8%, ус-

тупая лишь хлопчатобумажной пряже и сахару (по 10%)⁹⁵. На Нижегородской ярмарке доля чая в общей стоимости продаж в 1850 г. составила 12%⁹⁶. Наконец, следует констатировать, что в рамках рассматриваемого периода, масштабы кяхтинской торговли, в целом, соответствовали темпам возрастания экономического потенциала страны. Об этом свидетельствует не только относительно стабильный удельный вес кяхтинского товарооборота во внешнеторговом обороте России, но и соотношение чая, вывозимого из Китая через Кяхту и в Великобританию (13 млн фунтов против 52 млн ф.), в то время, как доля этих стран в мировом товарообороте составляла соответственно 3,6% и 20%⁹⁷. Рассматривая историю кяхтинской торговли с точки зрения изменения ее роли как посредника между Европой и Дальним Востоком, мы обнаруживаем менее утешительный итог. Первоначально, кяхтинская торговля, обеспечивая реализацию в Китай сибирской пушнины, отводила Европейской России лишь роль рынка сбыта части выменянных в Кяхте китайских товаров. Соответственно, доминировало западное направление движения товарных масс в системе кяхтинской торговли. Но, по мере уменьшения значения пушнины в экспорте через Кяхту в конце XVIII–первой четверти XIX в., все большую роль приобретает восточное направление товаропотока, по которому в Китай поступают товары западноевропейского происхождения. Одновременно наполняется новым содержанием западное направление, по которому в центральные районы России начинает провозиться основной для XIX в. импортируемый из Китая товар — чай. Но к 40-м гг. XIX в., вследствие усиления протекционистских тенденций во внешнеторговой политике России, транзит иностранных товаров через Кяхту прекращается. Кяхтинская торговля становится фактором исключительно внутривосточной экономической жизни, представляя интерес для европейской части России как одно из альтернативных направлений поступления китайского чая, а также как рынок сбыта для развивающейся русской легкой промышленности.

Еще меньший оптимизм современникам, заинтересованным в дальнейшей судьбе кяхтинской торговли, должны были внушить данные об эволюции товарной структуры экспорта и импорта через Кяхту или, точнее, комплексное видение этих двух аспектов русско-китайской торговли в их взаимодействии

вали свои цены...» (Силин Е.П. Кяхта в XVIII в. Иркутск, 1947. С. 68). М.И. Сладковский отмечал, что оценка русских товаров производилась на основе цен внутреннего рынка, превышавших фактические цены на такие товары в торговле с китайскими купцами в Кяхте. В то же время, согласно данному автору, стоимость китайских товаров определялась таможенниками в самой Кяхте по купеческим данным, т.е., собственно, всегда заниженным (См.: Сладковский М.И. История торгово-экономических отношений народов России с Китаем (до 1917г.). М., 1974. С.154–155). Следовательно, если рассматривать способ оценки экспортируемых русских товаров до 1780 г. в качестве прообраза учета товарооборота по объявленным ценам, принятым после 1841 г., то окажется, что последние отражают цены внутреннего российского рынка. Напротив, так называемые променные цены, на основе которых, очевидно, определялись обороты кяхтинской торговли с 1780 по 1841 г., в большей степени характеризовали ситуацию, складывавшуюся непосредственно в ходе обмена в Кяхте, его результативность для русской стороны.

⁵ Сладковский М.И. Указ. соч. С.198,206.

⁶ Там же. С.200

⁷ АВПР. Ф. СПб. Главный архив II-3. Оп. 34. Д. 6. 1839. Ч.II. Л. 99

⁸ Там же. Ф. Китайский стол. Оп. 491. Д. 3416. Л. 13.

⁹ Хохлов А.Н. Кяхтинская торговля и ее место в политике России и Китая (20-е гг. XVIII в.–50-е гг. XIX в.). Документы опровергают. Против фальсификации истории русско-китайских отношений. М., 1982. С. 141.

¹⁰ АВПР. Ф. Китайский стол. Оп.491. Д. 3416. Л. 3.

¹¹ Субботин А.П. Чай и чайная торговля в России и других государствах. СПб., 1892. С. 468. А. Корсак для 1841–1851-х гг. дает несколько иную цифру — 270 591 пудов. (Корсак А. Указ. соч. С.293). В 1850 г. ввоз всех сортов чая составил 317 тыс. пудов (Гулишамбаров С.О. Всемирная торговля в XIX веке и участие в ней России. СПб., 1898. С. 36.) По данным энциклопедического словаря «Россия» Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона в 1841–1851-х гг. среднегодовой ввоз чая составил 306 тыс. пудов (Россия: Энциклопедический словарь (Репр. изд.). Л., 1991. С. 334.).

¹² Корсак А. Указ. соч. С. 294.

¹³ АВПР. Ф. Китайский стол. Оп. 491. Д. 3416. Л. 3.

¹⁴ Силин Е.П. Указ. соч. С.187.

¹⁵ Покровский С.А. Внешняя торговля и внешняя торговая политика России. М., 1947. С.252, 304.

¹⁶ Ю.А. Гагемейстер, чиновник министерства государственных имуществ, был прикомандирован к 2-му Сибирскому комитету в 1852 г. для составления подробного «Статистического обозрения Си-

бири» (См.: Кузнецов А.С. Сибирская программа царизма 1852 г. // Очерки истории Сибири. Вып.2. Иркутск, 1971. С. 13–14). Впоследствии, в начале 60-х годов, он, занимая должность директора Кредитной Канцелярии Министерства финансов, был удостоен почетного звания статс-секретаря (См.: Шепелев Л.Е. Титулы, мундиры, ордена. Л., 1991. С. 153).

¹⁷ Гагемейстер Ю.А. Статистическое обозрение Сибири. Ч. II. СПб., 1854. С. 596–597.

¹⁸ Гагемейстер явно упрощает картину, утверждая, что Сибирь, до того, как чай занял ведущее место в импорте из Китая, не употребляла китайских изделий. Кроме низких сортов чая в XVIII веке в Сибири сбывались хлопчатобумажные ткани (китайка и, особенно, даба), шелковые ткани, табак (шар) (См.: Трусевич Х. Посольские и торговые сношения России с Китаем. М., 1882. С. 173; Радищев А.Н. Письмо о китайском торге // Радищев А.Н. Полн. собр. соч. Т.II. М.-Л., 1941. С.28; Силин Е.П. Указ. соч. С.139,149.

¹⁹ Как ярмарочную, торговлю в Кяхте характеризуют К. Маркс и Ф. Бродель (См.: Маркс К. Русская торговля с Китаем // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 12. С.158; Бродель Ф. Время мира. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. Т.3. М., 1992. С.474).

²⁰ И.А. Носков начало кяхтинской торговли относил к последней четверти XVIII столетия, имея, очевидно, ввиду отмену казенной караванной торговли в 1762 г. и возобновление после шестилетнего перерыва обмена товаров в 1768 г. (См.: Носков И.А. Кяхта. Иркутск, 1861. С. 2.)

²¹ Силин Е.П. Указ. соч. С.118–153; Сладковский М.И. Указ. соч. С.162–164; Хохлов А.Н. Указ. соч. С.109, 111.

²² Силин Е.П. Указ. соч. С.118. А.Н. Хохлов для периода 1768–1785 гг. приводит несколько иной процент — 78,8% (Хохлов А.Н. Указ. соч. С. 109).

²³ Силин Е.П. Указ. соч. С.119.

²⁴ Сладковский М.И. Указ. соч. С.163.

²⁵ Радищев А.Н. Письмо о китайском торге ... С. 28.

²⁶ Силин Е.П. Указ. соч. С.138, 143.

²⁷ Белка, основной предмет пушного экспорта к концу столетия, обменивалась в Кяхте преимущественно якутская, иркутская, баргузинская и нерсинская (Силин Е.П. Указ. соч. С.120).

²⁸ См., например: Ядринцев Н.М. Сибирь как колония. СПб., 1882. С. 289; Андриевич В.К. Сибирь в XIX столетии. Ч.II. СПб., 1889. С. 295; Боголепов М. Торговля в Сибири // Сибирь: ее современное состояние и ее нужды. СПб., 1908. С.175; История Бурят-Монгольской АССР. Т.1. Улан-Удэ, 1951. С. 296.

²⁹Ситников Л.А. Григорий Шелихов. Иркутск, 1990. С.181. Тем не менее, по свидетельству П. Тихменева, Шелихов сыграл значительную роль в развитии кяхтинской торговли. (Тихменев П. Историческое обозрение образования Российско-Американской компании и действий ее до настоящего времени. Ч.1. СПб., 1861. С. 45.).

³⁰Попытки вывоза через Кяхту в Китай произведенных в России шелковых тканей не увенчались успехом (Трусевич Х. Указ. соч. С. 194).

³¹Данный факт был использован Радищевым в его рассуждениях о пользе и невыгодах торгового дела через Кяхту как аргумент против преувеличения роли этой торговли в экономике России и Сибири, в частности (См.: Радищев А.Н. Указ. соч. С.34.). Подробнее об этом: Мирзоев В.Г. Историко-география Сибири. Кемерово, 1963. С. 242; История русской экономической мысли. Т.1. М., 1955. С.673. А.В. Аникин, комментируя данные рассуждения Радищева, обращает внимание на их незавершенность, на отсутствие в известном послании А.Р. Воронцову окончательного вывода по вопросу — выгоден ли народному хозяйству России китайский торг (Аникин А.В. Путь исканий. Социально-экономические идеи в России до марксизма. М., 1990. С. 97).

³²Субботин А.П. Указ. соч. С.447.

³³Полное собрание законов Российской империи. (далее ПСЗ). Т.ХI. № 8828.

³⁴Радищев А.Н. Указ. соч. С. 27. М.И. Сладковский высказал предположение, что Радищев имел в виду большую дешевизну чая, ввозимого через западную границу по сравнению с кяхтинским (Сладковский М.И. Указ. соч. С.174). Но оно не вписывается в контекст представленной цитаты, а также противоречит реальным фактам: пуд китайского чая (из Кяхты) в России стоил в 80-х гг. 11 руб., а привезенный из Западной Европы — более 52 руб. (Силин Е.П. Указ. соч. С. 184).

³⁵Покровский С.А. Указ. соч. С.235.

³⁶Гагемейстер Ю.А. Указ. соч. С.607.

³⁷АВПР. Ф. Китайский стол. Оп. 491. Д.3416. Л.13.

³⁸Вагин В. Исторические сведения о деятельности графа М.М. Сперанского в Сибири. Т.2. СПб., 1872. С. 204.

³⁹АВПР. Ф. СПб. Главный архив. II-3. Оп. 34. Д. 3. 1834. Л. 2.

⁴⁰«...Наши купцы, тогда маломочные, пользуясь дешевизною кормов и продовольствия, лично и порознь привозили свои товары в Кяхту, во всякое время и без совещания променивали китайцам, по сообщению цен своей покупки с гадательною ценою продажи вымениваемого товара...» (Словцов П.А. Историческое обозрение Сибири. Кн.2. СПб., 1844. С. 345).

⁴¹Сладковский М.И. Указ. соч. С.165.

⁴²ГАИО. Ф.29. Оп.1. Д. 15. Л.45.

⁴³Миронов Б.Н. Внутренний рынок России во 2-й половине XVIII–первой половине XIX в. Л., 1981. С. 246.

⁴⁴Гагемейстер Ю.А. Указ. соч. С. 597.

⁴⁵Силин Е.П. Указ. соч. С. 187.

⁴⁶Семенов А. Изучение исторических сведений о Российской внешней торговле и промышленности с половины XVIII столетия до 1858 г. СПб., 1859. Ч. 2. С. 258.

⁴⁷Краткий очерк возникновения, развития и теперешнего состояния наших торговых с Китаем сношений через Кяхту... С.62.

⁴⁸РГИА. Ф.19. Оп.3. Д.464. Л.1–4; АВПР. Ф.СПБ. Главный архив. II-3. Оп. 34. Д. 2. 1844. Л. 1–12.

⁴⁹Ф.И. Страленберг писал: «...когда идут из России в Китай, оплачивают на каждый рубль стоимости в городе Верхотурье — 1 гривен, в Тобольске — 1 гривен и в Селенгинске — 4 гривны; напротив, на обратном пути платят не больше 5 копеек за каждого рубля товара в тех местах, где его продают» (Цит. по: Зиннер Э.П. Сибирь в известиях западноевропейских ученых и путешественников XVIII века. Иркутск, 1968. С. 131).

⁵⁰В XVIII в. транспортировка грузов из европейской части России в Восточную Сибирь была значительно тяжелее и продолжительнее, чем обратный путь, так как приходилось плыть по многим рекам против течения. (Кудрявцев Ф.А., Силин Е.П. Иркутск. Очерки по истории города. Иркутск, 1947. С. 57).

⁵¹Самойлов Л.М. Исторические и статистические исследования о кяхтинской торговле // Сборник статистических сведений о России. Кн. II. Разд. II. СПб., 1854. С. 11.

⁵²Там же. С.13.

⁵³Силин Е.П. Указ. соч. С.135–136.

⁵⁴Хохлов А.Н. Указ. соч. С.112.

⁵⁵АВПР. Ф. СПб. Главный архив. II-3. Оп. 34. Д. 2. 1801–1807. Л. 7.

⁵⁶Там же. Л.182.

⁵⁷Корсак А. Указ. соч. С.105.

⁵⁸АВПР. Ф. СПб. Главный архив. II-3. Оп. 34. Д. 2. 1801–1807. Л.179.

⁵⁹По данным Ю.А. Гагемейстера, в 1852 г. было променено российской пушнины на 1 016 036 руб., а иностранной — на 177 161 руб., что несколько отличает эти цифры от сведений приложения 8 (14,9% и 3,4% от общего вывоза) (См.: Гагемейстер Ю.А. Указ. соч. Приложение. Табл. XX).

⁶⁰Корсак А. Указ. соч. С.139; Гагемейстер Ю.А. Указ. соч. Приложение. Табл. XX.

⁶¹Корсак А. Указ. соч. С. 128; Гагемейстер Ю.А. Указ. соч. Приложение. Табл. XX.

⁶² Корсак А. Указ. соч. С.116; Гагемейстер Ю.А. Указ. соч. Приложение. Табл. XXII.

⁶³ Покровский С.А. Указ. соч. С. 208–216.

⁶⁴ «...многие прусские фабриканты, желая сбывать свои сукна в Россию, и в особенности через Россию в Китай, переселились в Царство Польское со всеми своими фабриками и, таким образом, еще более усилили суконное производство в Польше...» (Корнилов А.А. Указ. соч. С.168).

⁶⁵ Гагемейстер Ю.А. Указ. соч. Прил. Табл. XXII.

⁶⁶ Носков И. Указ. соч. С.4. Представления о высокой конкурентоспособности российских фабричных изделий на китайском рынке в середине XIX в. сохранились и в некоторых современных исследованиях (См. например: История Сибири. Т.2. Л., 1968. С. 412). По мнению московских купцов Колесова, Куманина и Рудакова, высказанному ими на заседании Комитета по делам кяхтинской торговли 24 июня 1843 г., для нее «не предстоит такой опасности, как многие думают..., а что касается до мануфактурных изделий, то главную и самую важную статью в оных составляют сукна, а сукна в последнее время начали выделяться такой доброты и ширины и так дешево достаются китайцам ..., что и по этой части купцы наши не имеют особенных опасений» (АВПР. Ф. Китайский стол. Д.3047. Л. 4.). О высоком спросе на некоторые сорта русских тканей, удовлетворяющих требованиям китайцев, при незначительном на соответствующий товар английского происхождения, писал в 1858 г. Ф. Энгельс (Энгельс Ф. Успехи России на Дальнем Востоке. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.12. С. 639).

⁶⁷ Лист Ф. Национальная система политической экономии. СПб., 1891. С. 147.

⁶⁸ Маркс К. Русская торговля с Китаем ... С.158.

⁶⁹ АВПР. Ф. Китайский стол. Оп. 491. Д. 3415. Л. 26.

⁷⁰ Цит. по: Хохлов А.Н. Указ. соч. С.144.

⁷¹ Гагемейстер Ю.А. Указ. соч. С. 631.

⁷² АВПР. Ф. СПб Главный архив II-3. Оп.34. Д.6. 1839. Ч.II. Л.26; Корсак А. Указ. соч. С.177; Семенов А. Указ. соч. С. 259.

⁷³ ГАИО. Ф.24. Оп. 7. Д. 1214. Св.1842. Л. 141.

⁷⁴ АВПР. Ф. Китайский стол. Оп. 491. Д. 3050. Л. 7.

⁷⁵ Там же. Д. 3416. Л. 8.

⁷⁶ Гагемейстер Ю.А. Указ. соч. С.619.

⁷⁷ Носков И. Кяхтинская торговля за последние 8 лет. СПб., 1870. С. 6.

⁷⁸ С 1840 г. по 1846 г. обменные цены на русские товары увеличились на 60–65 коп. на рубль. (АВПР. Ф. Китайский стол. Д. 3050. Л. 15)

⁷⁹ Там же. Л. 16.

⁸⁰ Там же. Л.10.

⁸¹ Там же. Д. 3416. Л. 8. По сведениям А. Корсака московские цены на 3 сорт черного квадратного чая за пару мест с 1841 г. по 1847 г. понизились с 900 руб. ассигнациями до 725 руб. (Корсак А. Указ. соч. С. 386).

⁸² АВПР. Ф. Китайский стол. Д. 3050. Л.15.

⁸³ Там же. Ф.СПБ. Главный архив II-3. Оп. 34. Д.6. 1839. Ч. II. Л. 107.

⁸⁴ Бутин Ю.М. Экономическая история Восточной Азии. Иркутск, 1994. С. 191.

⁸⁵ См. подробнее об этом: История экономического развития Китая. 1840–1948. С.74; Новая история Китая. М., 1972. С.116–119; История Китая с древнейших времен до наших дней. М., 1974. С.191; История народов Восточной и Центральной Азии с древнейших времен до наших дней. М., 1986. С.419. и др.

⁸⁶ В 1851 г. вымен байхового чая в Кяхте составил 122 389 мест, в 1852 г. — 133 438 мест. В 1853 г. на российские товары удалось выменять всего 10 364 мест байхового чая (РГИА. Ф.19. Оп.3. Д. 469. Л. 11).

⁸⁷ Соболев М.Н. Таможенная политика России во 2-й половине XIX в. Томск, 1911. С. 204.

⁸⁸ АВПР. Ф. СПб. Главный архив II-3. Оп. 35. Д. 3. 1885. Л.4.

⁸⁹ РГИА. Ф.19. Оп.3. Д. 469. Л. 35.

⁹⁰ АВПР. Ф. Китайский стол. Д.3416. Л. 12.

⁹¹ Соболев М.Н. Указ. соч. С.204.

⁹² РГИА. Ф. 19. Оп.3. Д. 466. Л. 52.

⁹³ Носков И. Кяхта ... С. 6.

⁹⁴ Покровский В.И. Сборник сведений по истории и статистике внешней торговли России. СПб., 1902. С. XXXVIII.

⁹⁵ Кулишер И.М. История русской торговли до девятнадцатого века включительно. Пб., 1923. С. 301.

⁹⁶ Рожкова М.К. К вопросу о значении ярмарок во внутренней торговле дореформенной России // Исторические записки. Т.54. 1955. С.309. В 1831 г. на долю китайских товаров на Нижегородской ярмарке приходилось 4,7%, а в 1840 г. 7,2% (Хохлов А.Н. Указ. соч. С.131). Г. Небольсин сообщал, что до распродажи китайского чая из первых рук ярмарочная торговля не считалась начавшейся в коммерческом смысле (Небольсин Г. Статистическое обозрение внешней торговли России. СПб., 1850. Ч.I. С. 365).

⁹⁷ Соболев М.Н. Указ. соч. С. 267.

⁹⁸ Сладковский М.И. Указ. соч. С.230–233; Антонов Н. К истории заключения русско-китайского договора 1851 г. в Кульдже // Документы опровергают. Против фальсификации истории русско-китайских отношений. М., 1982. С.148–164.

⁹⁹ «Само превращение Китая в часть мирового рынка... происходило лишь постепенно, по мере того, как одна часть страны за